



АМСТЕРДАМ

ИЭН МАКЬЮЭН



INSPIRIA

МОСКВА

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44
М15

Ian McEwan
AMSTERDAM

Copyright © 1998 by Ian McEwan

Перевод с английского *Виктора Голышева*

В оформлении переплета использована картина
Софьи Акимовой

Макьюэн, Иэн.

М15 Амстердам / Иэн Макьюэн ; [перевод с английского
В. Голышева]. — Москва : Эксмо, 2026. — 192 с.

ISBN 978-5-04-231875-7

Двое друзей, один роковой договор и последствия, которых никто не мог предсказать. После смерти общей возлюбленной жизни композитора Клайва Линли и редактора Вернона Холлидея переплетаются вновь — и ведут их к трагической развязке в Амстердаме.

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44

© Голышев В., перевод на русский язык,
2025

© Оформление, издание на русском языке.
ООО «Издательство «Эксмо», 2026

ISBN 978-5-04-231875-7

Яко и Элизабет Гроот

Друзья здесь встретились и обнялись
И разошлись — к своим ошибкам.

У.Х. Оден. Перекресток

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Двое бывших любовников Молли Лейн стояли у часовни крематория спиной к холодному февральскому ветру. Обо всем уже было говорено, но они проговорили еще раз.

— Так и не поняла, что на нее обрушилось.

— А когда поняла, было поздно.

— Быстро скрутило.

— Бедная Молли.

— М-м-м.

Бедная Молли. Началось с покалывания в руке, когда она ловила такси у ресторана «Дорчестер»; ощущение это так и не прошло. Через несколько недель она уже с трудом вспоминала слова. «Парламент», «химию», «пропеллер» она могла себе простить, но «сливки», «кровать», «зеркало» — это было хуже. Когда временно исчезли «аканф» и «брезаола»¹, она обратилась к врачу, ожидая, что ее успокоят. Однако ее направили на обследование, и, можно сказать, оттуда она уже не вернулась.

¹ А кан ф — растительный орнамент в виде листьев, как на коринфских колоннах. Bresaola (*um.*) — вяленое мясо.

Как же быстро боевая Молли стала больной пленницей своего угрюмого собственника мужа Джорджа. Молли, ресторанный критик, фотограф, женщина неиссякаемого остроумия, дерзновенная садовница, возлюбленная министра иностранных дел, способная легко пройтись колесом в свои сорок шесть лет. О ее стремительном погружении в безумие и боль судачили все: потеря контроля над отправлениями, а с ним — и чувства юмора, а затем — постепенное затмение с эпизодами бессильного буйства и приглушенных криков.

При виде появившегося из часовни Джорджа любовники Молли отошли подальше по заросшей гравийной дорожке. Они добрались до участка овальных розовых клумб с табличкой «Сад памяти». Все растения были безжалостно срезаны на высоте нескольких сантиметров над промерзшей землей — Молли такую практику осуждала. Газон был усеян сплюснутыми окурками: здесь люди ждали, когда предыдущая группа освободит здание. Прохаживаясь взад и вперед, старые друзья возобновляли разговор, к которому возвращались уже раз десять до этого в разных формах; но он утешал их больше, чем пение «Пилигрима».

Клайв Линли узнал Молли первым, в шестьдесят восьмом, когда они были студентами и жили одним домом, хаотическим и зыбким, в Вейл-оф-Хелте¹.

— Ужасный конец.

Он смотрел, как растворяется в сером воздухе пар его дыхания. Сказали, что в центре Лондона температура

¹ Вейл-оф-Хелт — район на северо-западе Лондона.

минус одиннадцать. Минус одиннадцать. Что-то очень неладно в мире, и не обвинишь в этом ни Бога, ни его отсутствие. Первое непослушание человека, его падение, нисходящий мотив, гобой, девять нот, десять нот. У Клайва был абсолютный слух, и он слышал, как они спускаются от соль. Записывать не было нужды.

Он продолжал:

— Понимаешь — умирать, ничего не сознавая, как животное. Ослабеть, стать полностью зависимой, не успев отдать последние распоряжения и даже попроситься. Болезнь подкралась...

Клайв пожал плечами. Они дошли до края вытоптанной лужайки и повернули обратно.

— Она предпочла бы самоубийство такому концу, — отозвался Вернон Холлидей.

Он прожил с ней год в Париже в семьдесят четвертом, когда впервые поступил на работу в «Рейтер», а она пописывала для «Вога».

— С мертвым мозгом и в клешнях Джорджа, — сказал Клайв.

Джордж, грустный богатый издатель, не чаял в ней души, и она, ко всеобщему удивлению, так и не бросила его, хотя всегда обходилась с ним дурно. Они посмотрели в его сторону — Джордж стоял у двери в группе людей, принимал соболезнования. Смерть жены избавила его от общего презрения. Он будто вырос на дюйм или два, спина у него выпрямилась, голос стал гуще, новое обретенное достоинство сузило глаза, погасило жадный, просящий взгляд. Отказавшись сдать ее в приют, он ухаживал за ней собственноручно. И, что существеннее,

вначале, когда люди еще хотели ее навещать, он фильтровал посетителей. Для Клайва и Вернона допуск был строго ограничен, поскольку считалось, что при них она разволнуется, а после будет удручена своим состоянием. Другой ответственный гость, министр иностранных дел, также был нежелателен. Люди стали ворчать, в колонках светской хроники появилось несколько сдержанных замечаний. А потом все это потеряло значение: по рассказам, она чудовищно изменилась, люди не хотели ее навещать и были рады, что Джордж их не пускает. Однако Клайв и Вернон с удовольствием продолжали его ненавидеть.

Когда они повернули обратно, в кармане у Вернона запищал телефон. Он извинился и отошел в сторону, предоставив другу продолжать прогулку в одиночестве. Клайв запахнул пальто и замедлил шаг. У крематория собралось уже сотни две людей в черном. Пора подойти и сказать что-нибудь Джорджу, иначе будет сочтено невежливостью. Наконец-то Джордж ею завладел — когда она уже не узнавала свое лицо в зеркале. С романами ее он ничего не мог поделать, но в финале она стала целиком его. У Клайва занемели ноги, он стал топтать, и в том же ритме вернулись десять нисходящих нот ритарданто¹, английский рожок, а в контрапункт с ним, мягко, восходящий мотив виолончелей, зеркальный образ. В нем — ее лицо. Конец. Все, что было нужно ему сейчас: тепло, тишина его студии, рояль, недописанная партитура — и закончить. Он услышал слова Вернона, завершавшего

¹ Ritardando (*um.*) — замедляя.

разговор: «Отлично. Перепишите резюме и поставьте на четвертую полосу. Я буду часа через два». Затем Клайву:

— Чертовы израильтяне. Нам пора подойти.

— Пожалуй.

Однако они сделали еще один круг по лужайке: в конце концов, они тут для того, чтобы хоронить Молли.

С заметным усилием над собой Вернон отодвинул служебные заботы.

— Она была милой девочкой. Вспомни бильярдный стол.

В 1978 году под Рождество компания друзей сняла большой дом в Шотландии. Молли и ее тогдашний спутник, королевский адвокат¹ по фамилии Брейди, изобразили на бильярдном столе Адама и Еву: он в трусах, она в трусах и лифчике, подставка для кия — змей, красный шар вместо яблока. В пересказах, однако, история приобрела несколько иной вид и в таком виде не только попала в один некролог, но даже запомнилась кое-кому из свидетелей: «Молли плясала в сочельник нагишом на бильярдном столе в шотландском замке».

— Милая девочка, — повторил Клайв.

Делая вид, будто откусывает яблоко и жует, она смотрела прямо на него и развратно улыбалась. Она выкатила бедро и подбоченилась, пародируя уличную девку. Он счел ее упорный взгляд сигналом, и правда, в апреле они снова сошлись. Молли переехала в его студию в Южном Кенсингтоне и осталась на все лето. В это время как раз

¹ Королевский адвокат — высшее адвокатское звание; присваивается королевской грамотой.

открылась ее ресторанная колонка и сама она выступила по телевизору, раскритиковав мишленовский путеводитель¹ как «кулинарный китч». Он тоже впервые обозначился перед публикой — «Оркестровыми вариациями» в Фестивал-холле. Второй заход. Она, вероятно, не изменилась, а он — определенно да. За десять лет он узнал достаточно, чтобы еще кое-чему у нее научиться. Его система всегда была — молот и наковальня. Она научила лукавому сексу, тому, что иногда необходима неподвижность. Лежи тихо, вот так, смотри на меня, смотри как следует. Мы — бомба замедленного действия. Ему было почти тридцать; по нынешним меркам запоздалое развитие. Когда она нашла себе квартиру и собрала чемоданы, он предложил ей пожениться. Она поцеловала его и прошептала на ухо: «Чтоб она не ушла, он женился на ней, // И теперь она с ним, как репей». Она была права, потому что после ее отъезда он радовался одиночеству как никогда и написал «Три осенние песни» меньше чем за месяц.

— Ты чему-нибудь у нее научился? — вдруг спросил Клайв.

В середине 80-х Вернон тоже прошелся по второму кругу — во время отпуска, в одном имении в Умбрии. Он был тогда римским корреспондентом газеты, которую теперь редактировал, и женатым человеком.

— Я секс не запоминаю, — ответил он, помолчав. — Наверняка это было изумительно. Но помню, что она

¹ Мишленовский путеводитель — ресторанные новости «U. K. Michelin Guide».

объяснила мне все про порчини¹ — как выбирать, как готовить.

Клайв счел это отговоркой и тоже решил не откровенничать. Он оглянулся на дверь часовни. Придется подойти. И сам себе удивился, когда с некоторой яростью произнес:

— Знаешь, мне надо было жениться на ней. Когда она стала сдавать, я бы задушил ее подушкой или как-нибудь еще и спас бы от всеобщей жалости.

Вернон, засмеявшись, повел друга из Сада памяти.

— Легко сказать. Представляю, как ты пишешь гимны для прогулок заключенных аферистов — вроде этой, как ее, суффражистки...

— Этель Смит. Будь уверен, мои были бы лучше.

Друзья Молли, собравшиеся на похороны, предпочли бы не присутствовать в крематории, но Джордж предупредил, что панихиды не будет. Он не желал, чтобы три бывших любовника публично сравнивали свои впечатления на кафедре Сент-Мартина или Сент-Джеймса или переглядывались во время его речи. Подойдя к толпе, Клайв и Вернон услышали привычный гомон фуршета. Подносов с шампанским не было, и голоса не отражались от ресторанных стен, но в остальном это вполне могло сойти за очередной вернисаж в галерее или прием в редакции. Клайв никогда не видел столько лиц при свете дня, притом ужасно выглядящих — кадавры, поставленные стоймя, чтобы приветствовать новопреставленную. В приливе мизантропической энергии он

¹ Porcini (*um.*) — белые грибы.